

И. П. Савчук

ОСОБЕННОСТИ ЛЕГЕНД, СОСТАВИВШИХ ОСНОВУ В ПОВЕСТЯХ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

В статье приводится анализ повестей Н. В. Гоголя из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки», которые включают в себя жанр легенды и рассматриваются с точки зрения жанровой поэтики. Жанр легенды, благодаря своей гибкости и мобильности способен выражать авторские идеи, поэтому главной целью данной статьи является определение типов жанра легенды, их модификаций и функций в прозе Н. В. Гоголя, а также выявление функций этого жанра несказочной прозы в художественном тексте.

Ключевые слова: легенда, Н. В. Гоголь, повесть, сказка, быличка, сюжет, народное творчество.

ON FACTORS HINDERING THE DEVELOPMENT OF RESEARCH SKILLS OF FUTURE TEACHERS-PSYCHOLOGISTS

The article gives an interpretation of «Evenings on a Farm Near Dikanka» tales by N. Gogol. They are described in the context of genre poetics and include legend genre. In response to its flexibility and portability, legend genre can express an author's ideas, thus the purpose of the article is to define the legend genre types, their development and functionality in N. Gogol prose and revealing legend's role in a literary text.

Key words: legend, N.V. Gogol, tale, folk tale, plot, folklore.

Фольклор исторически предшествовал литературе и всегда оставался одним из ее источников. Писатели всего мира обращались и обращаются к жанрам устного народного творчества, в том числе и к легенде. Слово «легенда» – книжного происхождения. В словаре Ожегова и Шведовой этот термин трактуется так: «Легенда – поэтическое предание о каком-нибудь историческом событии» [9, 123]. Даль дает иное определение легенды: «Легенда – священное преданье, поверье о событии, относящемся до церкви, веры; четия, четья; вообще, преданье о чудесном событии» [4, 578].

Латинское слово *legenda* в буквальном переводе означало: «то, что следует прочесть». Постепенно это название стало обозначать рассказы религиозного характера. Содержание таких рассказов было серьезным, хотя легенда и не исключала шутку вообще. Слушание легенд воспринималось как душеполезное развлечение. Легенды могли звучать даже с церковных кафедр.

В средневековой письменности этот вид произведений был весьма популярным. Впоследствии термин стал применяться и к произведениям фольклора, и одновременно с этим процессом легенда стала использоваться в произведениях художественной литературы.

По мнению А. Ф. Головенченко, «Христианская легенда широко использовалась в мистериях и других жанрах средневекового театра, школьной драме и ввела в обиход средневековой поэзии огромный международный фонд всякого рода сказаний и мотивов новеллистического характера» [6, 343]. В XIII веке составлен знаменитый сборник «*Legenda aurea*» («Золотая легенда»). В конце того же века появился другой сборник назидательных повестей и легенд – «*Gesta Romanorum*». Еще позднее составлен сборник «*Speculum magnum*» (в русском переводе «Великое зеркало»). Эти и другие сборники в целом виде и частично проникли в Россию в XVII веке. Некоторые легендарные сюжеты стали особенно популярны и отвечали новым запросам эпохи (возрождение легенд и сказаний о Фаусте, Дон Жуане, Агасфере).

Легенду часто использовали как часть литературного текста. Многие русские писатели включали в свои произведения вставные рассказы, или так называемые «тексты в текстах». Авторы называли вставные сюжеты сказками, притчами, легендами. Эти определения заранее задают особый характер повествованию. Например, рассказываемая притча, в основе ко-

торой лежит мораль, заставляет героя делать выводы из своих поступков, направлять их в определенное русло.

Легенда чаще всего уводит нас в глубину веков; это таинственное повествование, в котором автор пытается объяснить какое-либо явление, ответить на волнующий читателя вопрос.

Многие авторы широко использовали легенду как основу для сюжетов своих произведений: Новалис, Тик, Мицкевич, Ирвинг. Легенда вызывала интерес у писателей – В. Скотта, В. Гюго («Легенда об Юлиане Милостивом»), Г. Флобера («Искушение Св. Антония»), А. Франса («Жонглер богородицы», «Святой фавн»), Т. Манна («Иосиф и его братья», «Избранник», «Доктор Фаустус») и многие другие. Обращались к древним легендам, пленялись ее содержанием и стилем А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь... К легендам обращались и писатели конца XIX – начала XX века: В. М. Гаршин, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Д. Телешов, И. А. Бунин, А. И. Куприн, Б. К. Зайцев.

Но именно в творчестве Николая Васильевича Гоголя мы встречаемся с частыми обращениями к легенде, и примером этому может служить его сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки». Как и каждый писатель, переосмысливающий в ходе творческой работы первоначальный материал, взятый за основу, Гоголь не просто переносил на бумагу народные сказания (хотя и сам писатель утверждал, что не изменял малороссийского предания), но создавал на их основе виденной им реальности новое художественное произведение.

Об использовании народных легенд русскими писателями существует немало исследований [5]. Однако, несмотря на всеми признанный факт обращения Гоголя к жанрам несказочной прозы, специальных исследований о принципах использования Гоголем жанра легенды, о функциях этого жанра в художественном тексте нет.

Кроме этого, в современном литературоведении существует непроясненность и в определении самого жанра. Все это придает особую актуальность изучению жанра легенды в литературе XIX века.

Первая часть «Вечеров» вышла в свет в сентябре 1831 года. В нее вошли четыре повести: «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь» и «Пропавшая грамота». Через шесть месяцев, в начале марта 1832 года, появилась в печати и вторая часть, в которую вошли следующие повести: «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Заколдованное место».

В. А. Воропаев считает, что раннее творчество Гоголя, если взглянуть на него с духовной точки зрения, открывается с неожиданной для обыденного восприятия стороны: оно не только собрание веселых рассказов в народном духе, но и обширное религиозное поучение, в котором происходит борьба добра и зла, и добро неизменно побеждает, а грешники наказываются [2, 14].

В энциклопедическом мире «Вечеров...» великолепно отражен быт, нравы, легенды украинского народа, а также основы его мировосприятия. Языческие и дохристианские мотивы в художественной системе Гоголя даны в их синтезе и вместе с тем резко противопоставлены, причем их противопоставление не воспринимается как выдуманное и искусственное. Белинский писал: «Это была поэзия юная, свежая, благоуханная, роскошная, упоительная, как поцелуй любви...» [1, 31].

В основе повести «Сорочинская ярмарка» лежит история о черте «в красной свитке» [3, 9–34]. Героем рассказа о свитке является черт, которого выгнали из пекла. Заскучал черт и «давай с горя пьянствовать. Угнездили в том самом сарае, который, ты видел, развалился под горою и мимо которого ни один добрый человек не пройдет теперь, не оградив наперед себя крестом святым, и стал черт такой гуляка, какого не сыщешь между парубками. С утра до вечера то и дело, что сидит в шинке!..» [3, 9–34]. Пропив все деньги, нечистый заложил красную свитку шинкарю. Рассказчик обращает особое внимание на качество чертовой одежды: «сукно такое, что и в Миргороде «не достанешь! а красный цвет горит, как огонь, так что не нагледелся бы!» [3, 21]. Когда же черт пришел к шинкарю за свиткой, ее у того в сундуках не оказалось, потому что ее похитил цыган. И пошла чертова одежда гулять по свету. В данном случае мы имеем дело с неким заменителем черта. Красивая одежда – вечный соблазн для человека, символ материального благополучия.

Перед нами суеверный рассказ, контаминирующий признаки былички и легенды.

По жанровым признакам история о красной свитке напоминает быличку, потому что:

- 1) в ней описывается столкновение человека с потусторонним миром;
- 2) она является свидетельским показанием;
- 3) представляет собой исключительный случай;
- 4) случай, описанный в быличке, страшен и оканчивается, как правило, трагически для того, кто сталкивается с демоническим существом [10, 21–25].

Героем этой истории является черт, который является персонажем и быличек, и сказок, и легенд. В соответствии с народными представлениями времен язычества он похож на Чернобога (антипод Белобога). Позже *«его представляли в виде иностранца, одетого в короткую куртку или фрак, узенькие панталоны»* [3, 75]. Считалось, что он боится креста. Описание черта в гоголевских повестях соответствует древним народным верованиям: *«спереди совершенно немец <...> но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире»* [3, 83]. «Народная смеховая культура на протяжении нескольких веков выработала устойчивые традиции опрошения, дедемонизации и одомашнивания христианско-мифологических образов зла» [8, 106–125], – замечает Ю. В. Манн. Ярким примером дедемонизации образа черта может служить повесть «Ночь перед Рождеством», где он представлен в комическом образе с мордочкой, беспрестанно вертевшейся и нюхавшей все, что ни попадалось на пути. Уточнение – *«мордочка оканчивалась как у свиней кругленьким пяточком»* [3, 127] – придает ему черты домашности. Черт в «Ночи перед Рождеством» – *«проворный франт с хвостом и козлиною бородою»* [3, 127], хитрое животное, которое крадет месяц, *«кривляясь и дуя, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки»*. Он *«строит любовные куры»*, подъезжает *«мелким бесом»*, ухаживает за Солохой и т. д. Подобное описание встречается в повести «Пропавшая грамота», где *«черти с собачьими мордами, на немецких ножках, вертя хвостами, увивались около ведьм, будто парни около красных девушек»* [3, 80]. Однако смешной сказочный чертик не так безобиден, как кажется. Уже в конце повести «Ночь перед Рождеством» сказано: *«...на стене сбоку, как войдешь в церковь, намалевал Вакула черта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: «Он бачь, яка кака навалевана!» – и дитя, удерживая слезенки, косилолсь на картину и жалось к груди своей матери»* [3, 95].

В «Вечере накануне Ивана Купала» Бисаврюк – тоже гуляка. Он вызывает чувство неприкрытого страха. Это *«дьявол в человеческом образе», «бесовский человек»* [3, 34]. Эту повесть, как и многие другие из цикла «Вечеров...», можно рассматривать как религиозное поучение.

Таким образом, черт, совмещая в себе черты персонажей из сказки и жанров несказочной прозы, становится более объемным. Он более коварен, за внешней безобидностью и смехотворностью скрывается онтологическое зло. Поэтому история из повести «Сорочинская ярмарка» является этиологической легендой, повествующей о грехопадении диканьского мира. В повести, независимо от того, что все заканчивается свадьбой, зло вошло в мир. Причем зло вошло в новый мир, ведь свадьба – залог будущей жизни. И сами молодые для того, чтобы эта свадьба состоялась, воспользовались слухами о свитке и суеверным страхом перед ее колдовскими чарами. Прибегая к помощи цыгана, похитившего красную свитку, занимаясь хитроумными проделками, подсмеиваясь над своими односельчанами, Параска и Грицько по сути воспользовались помощью черта, заключив невольно с ним негласный договор. И потому концовка, так не вяжущаяся на первый взгляд со счастливым финалом, намекает на существо дела: *«Не так ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетает от нас, и напрасно одинокий звук думает выразить веселье? В собственном эхе слышит уже он грусть и пустыню и дико внемлет ему. Не так ли резвые други бурной и вольной юности, поодиночке, один за другим, теряются по свету и оставляют наконец одного старинного брата их? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему»* [3, 33].

Таким образом, в повести легенда выполняет сюжетообразующую функцию.

В следующей повести «Вечер накануне Ивана Купалы» мы снова встречаем тот же мотив продажи души дьяволу и потому языческая история, отстоявшаяся в бывальщине о до-

быче клада в колдовскую купальскую ночь, превращается в легенду о грехопадении человека – главного героя Петруся. Функция легенды в повести та же.

В «Майской ночи» Гоголь разворачивает сказочный сюжет о мачехе и падчерице, который в скрытом виде присутствует в повестях «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купалы». В «Майской ночи» молодая жена сотника, *«румяна и бела собою»* [3, 54], оказывается суровой мачехой, страшной ведьмой, способной превращаться в иные существа и творить зло: она сводит со свету панночку. Сказочный сюжет дополняется быличками о ведьмах и русалках. Русалки – мифологические и фольклорные человекоподобные существа. В повести «Майская ночь, или Утопленница» Гоголь основывается на многих легендах о *«неупокоенных душах»* [3, 61], безвинно погибших. Прекрасная добрая панночка терпит издевательства ведьмы-мачехи. Не выдержав, она бросается в пруд и становится русалкой. Вместе с другими русалками она пытается наказать мачеху, утаскивает ее в воду, но та коварна и хитра. Мачеха обернулась русалкой. А бедная панночка *«не может плавать вольно, как рыба, она тонет и падает на дно, как ключ»* [3, 64]. Историю о панночке-русалке рассказывает молодой казак Левко. Она отдалена от времени, в которое живут герои, ощутимой дистанцией – *«давно... жил в этом доме сотник»* [3, 52] и представляет собой текст в тексте. Эпизод о панночке-русалке и мачехе-ведьме повторяется в главе «Утопленница». Включение фантастических элементов обусловлено здесь мотивом сна. Однако после пробуждения героиня убеждается в том, что сверхъестественные силы вмешиваются в его жизнь. Появлению русалок предшествует описание благоухающего ночного пейзажа: *«неподвижный пруд», «раскаты соловья», «странное упоительное сияние примешалось к блеску месяца», «серебряный туман»* [3, 69]. В воображении «парубка» русалка предстала: *«бледная, как полотно, как блеск месяца; но как чудна! Как прекрасна!»* [3, 71]. Подруги русалки тоже представлены в поэтическом освещении: *«девушки в белых, как луг, убранных ландышами, рубаешках, которые мелькали в тонком серебряном тумане»* [3, 71].

В народном творчестве образ русалки значительно проще. У нее длинные распущенные волосы и зеленые глаза. Гоголь описывает русалок с зелеными волосами, у которых *«волосы льются с зеленой головы на плечи»* [3, 71]. Однако историк С. М. Соловьев считает, что преобладающим цветом волос является русый, производя само название «русалка» – «с русыми волосами» [7, 125]. Образ русалки связан одновременно с водой и растительностью, сочетает черты водных духов и символов, связанных с культом плодородия, уничтожение которых гарантировало урожай.

Русалки чрезвычайно привлекательны. Однако восторженное описание русалки у Гоголя заканчивается авторским предостережением: *«Беги, крещеный человек! уста ее – лед, постель – холодная вода; она защекочет тебя и утащит в реку»* [3, 74].

Тип легенд, использованных в повести «Майская ночь», относятся к типу легенд о грехе, борьбе с нечистой силой.

В «Ночи перед Рождеством» Гоголь опирается на известную легенду о путешествии на бесе, которая входила в цикл сказаний, связанных с архиепископом Иоанном (Его нетленные мощи были открыты в 1436 г.). «Повесть о путешествии новгородского архиепископа Иоанна на бесе в Иерусалим» была посвящена прославлению святости новгородского архиепископа. Основу ее сюжета составляет легенда, повествующая о борьбе праведника с бесом.

Лукавый бес, решив *«смутить»* архиепископа, забрался в сосуд с водой, из которого Иоанн имел обыкновение умываться. *«Уразумев бесовское мечтание»* Иоанн оградил сосуд крестным знаменем. Бес умолял архиепископа отпустить его, Иоанн согласился при условии, что бес в одну ночь свозит его из Новгорода в Иерусалим и обратно. В повести «Ночь перед Рождеством» используется легенда о святом, выполняющая функцию сюжетного мотива, который был переосмыслен. Вакула совершает путешествие в Петербург – символ материального мира – за черевичками для гордой Оксаны.

Таким образом, легенда о святом призвана оттенить амбивалентность героя повести, который почти захвачен бесовской силой (готов был покончить жизнь самоубийством, обратился за помощью к колдуну).

Гоголь-романтик, обратившись к украинскому фольклору, создает яркий экзотический мир, где реальное соседствует с ирреальным. Пафос цикла состоит в борьбе архаических и ветхозаветных ценностей с христианскими, поэтому особую роль в художественном мире Гоголя играют демонические персонажи, населяющие народную прозу. Большинство устных рассказов, которые использовал Гоголь («Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купалы», «Майская ночь, или утопленница», «Заколдованное место»), представляют собой суеверные рассказы, контаминирующие признаки былички и легенды. Если быличка, является свидетельским показанием о страшном случае, то легенда призывает быть бдительным, рассказывая о дьявольских искушениях, грехопадении, борьбе с бесами. В них явствен мотив о продаже души дьяволу. Серьезность угрозы человечеству подтверждают и персонажи легенд. Особенно популярным у Гоголя является черт, совмещающий в себе черты героя сказки (комизм) и жанров несказочной прозы (инфернальность). Он по-сказочному смешон, но за безобидной внешностью скрывается онтологическое зло. Уже в первой повести сборника «Сорочинская ярмарка» легенда о красной свитке повествует о грехопадении всего диканьского мира.

Легенды, используемые в повестях Гоголя, имеют притчевый характер, обнаруживают в обычном случае всеобщие закономерности, по тематическому принципу и характеру обобщения относятся к этиологическим легендам.

Кроме народных легенд, Гоголь использует, библейскую легенду о Каине и Авеле («Страшная месть»), которую перерабатывает, дополняя местными легендами, оставив ту же тему греха и преступления. В повести «Ночь перед Рождеством» он опирается на средневековую легенду о путешествии на бесу, которая входила в цикл сказаний, связанных с архиепископом Иоанном. «Повесть о путешествии новгородского архиепископа Иоанна на бесу в Иерусалим» была посвящена прославлению святости новгородского архиепископа. Основу ее сюжета составляет легенда, повествующая о борьбе праведника с бесом.

Таким образом, легенду в повестях Гоголя нельзя назвать вставной, она является сюжетным ядром, выполняет сюжетообразующую функцию, стягивая в единый узел интригу, систему образов, через которые раскрывается смысл произведения.

Литература

1. Белинский, В. Г. О Гоголе: Статьи, рецензии, письма [Текст] / В. Г. Белинский ; ред., вступит. ст. и комм. С. Машинского. – Москва : Гослитиздат, 1949.
2. Воропаев, В. А. Под защитой угодника Божия: Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя [Текст] / В. А. Воропаев // Лит. Россия. – 2003. – № 43.
3. Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород [Текст] / Н. В. Гоголь. – Москва : Художественная литература, 1982.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т 2. И – О [Текст] / В. И. Даль. – Москва : ООО «Издательство Астрель», 2004. – 1278 с.
5. Жанр легенды в русской литературе рубежа XIX–XX веков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/zhanr-legendy-v-russkoi-literature-rubezha-xix-xx-vekov>.
6. Зарубежная литература. XIX в. Романтизм: Хрестоматия [Текст] : учебное пособие для филол. спец. пед. ин-тов / сост. А. Ф. Головенченко, Н. П. Козлова, Б. И. Колесников ; под ред. Я. Н. Засурского. – Москва : Просвещение, 1976.
7. Зеленин, Д. К. Очерки русской мифологии [Текст] / Д. К. Зеленин. – Петроград, 1916.
8. Манн, Ю. В. Фантастическое и реальное у Гоголя [Текст] / Ю. В. Манн // Вопросы литературы. – 1969. – № 9.
9. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополнение. – Москва : Азбуковник, 1998. – 944 с.
10. Померанцева, Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре [Текст] / Э. В. Померанцева. – Москва : Наука, 1975.